

МОЙ СОСЕД — СЕРЬЁЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ПЛЕННЫЙ

Проводят пленного японца.
Идет конвой, блестя штыками,
Бессмертный сын богини солнца —
Амотерасу-Омиками —
Мне в пояс кланяется низко
В такой изысканной манере,
Как будто я — божок буддийский,
Иль генерал, по крайней мере.
Мне даже видеть нет охоты
Восточнейшие эти сласти.
Ведь я простой солдат пехоты,
И даже — не гвардейской части.
Над нами свод небесный ясен, —
Куда уж лучшая награда!
Так уходите восвояси
И даже кланяться не надо!
Угодливы глаза косые.
Проходят пленные в колоннах.
Они сгибаются в поклонах
Тебе, далекая Россия!

ВETERАН

В звании
гвардейского солдата
Он четыре года воевал.
Тихий военврач из медсанбата
Удивлялся:
как он выживал!
Выживал!..
За лесом, в отдаленье
Бьют на полигоне пушкари.
Командир выводит отделение
В мутном свете утренней зари.
И, присевши на траве примятой,
Не спеша, друзьям расскажет он,
Как Берлин,
пожарами объятый,
Штурмовали с четырех сторон.

Он сидит и курит в чистом поле,
Автомат коленями зажав...
...С ним должны считаться поневоле
Дипломаты западных держав.

Из цикла «В защиту детей»

КИНОЗВЕЗДА

Чикагская знать раскупила места,
и в зале, где только что выключен свет,
мерцает далёкая кинозвезда —
актриса, примерно, двенадцати лет.
Ей модное длинное платье к лицу.
Ей жизнь обернулася цепью удач.
Согласно сюжету, ей дарит к концу
большое наследство добряга-богач.
И смех её звонок, и взгляд её чист,
и ей отвечают из дальних рядов
полтысячи глоток, восторженный свист,
и сытое ржанье полтысячи ртов.
И, в общем, причин для уныния нет.
И в ритме фокстрота дрожит полотно...
Но здесь обрывается острый сюжет,
и правда выходит за двери кино.
Плывёт над асфальтом осенняя мгла,
все краски и линии разом стерев,
и ветер
по-гангстерски
из-за угла
последние шубы сдирает с дерев.
Сюда, сценаристы!
Ну, чем не сюжет!
Вглядитесь:
бредёт неизвестно куда
девчонка примерно пятнадцати лет —
до срока погасшая кинозвезда.
Сегодня, видать, не по вкусу она
богатым владельцам откормленных стад.
— Ты быстро растёшь!
и
— Ты нам
не нужна!..
И хочется кушать девчонке — хоть
плачь.
Последние отданы в лавку гроши.
И нету наследства.
Добряга-богач
ракетные пушки послал Чан Кай-ши.

Сюда, режиссёр! Оператор, сюда!
Здесь вашей Америки поправа честь.
Зачем же искусство тогда, господа,
когда этой девочке нечего есть?..
Я знаю, Америка, этих господ
и лживую совесть продажных сердец.
Но знаю:
и там неподкупный народ
допишет и вправду счастливый конец.

МОЕМУ СОСЕДУ

Вечные следы заботы маминой,
рубашонка белая, как снег...
К девяти уходит на экзамены
мой сосед —
серьёзный человек.
И пока спокойно, назубок он
в классе отвечает на вопрос,
я волнуюсь, бегаю у окон,
истребляю пачку папирос.
И со мной волнуются, как дети,
бабушки, мамы и отцы,
наши многодетные соседи
и пока бездетные жильцы.
А ему как будто дела мало.
Он идёт вдоль шумного квартала,
глядя, как колышется листва,
как маляр висит у самой крыши,
как сверкает солнце на афише —
мой сосед, виновник торжества,
человек, уверенный в себе
и в своем четвёртом классе «Б».
Но, постигнув правила деления
и легко прочтя солидный том,
он ещё имеет представление,
безусловно, смутное, о том,
что к его делам не без причины
проявляют острый интерес
старые обрюзгшие мужчины,
чопорно входящие в Конгресс.
Что малыш, сидящий над задачей,
детские успехи и удачи
бесят их.
И звонкий смех ребячий
злостью им сжимает кулаки.
Что они, когда б им волю дали,
книг лишили б,
солнце отобрали,
просто б растоптали,
искромсали